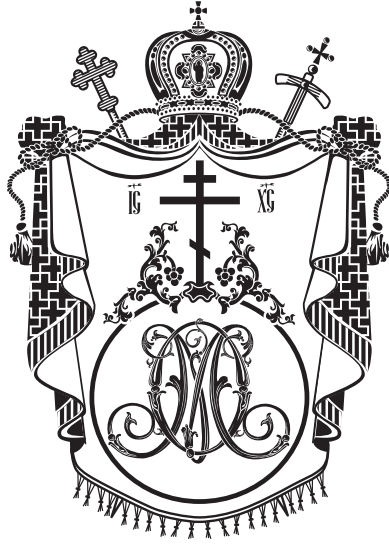

ТРУДИ
КИЇВСЬКОЇ
ДУХОВНОЇ
АКАДЕМІЇ

**За благословінням
Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України
ОНУФРІЯ**

Українська Православна Церква

Т Р У Д И Київської Духовної Академії

№ 31

Київ
2019

УДК 27(059)

УКРАЇНСЬКА ПРАВОСЛАВНА ЦЕРКВА
ТРУДИ КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ АКАДЕМІЇ № 31

ВИДАВНИЧА ГРУПА КДА

ГОЛОВА
єпископ Білогородський
СИЛЬВЕСТР,
*вікарій Київської Митрополії,
Ректор Київської духовної академії
і семінарії,
професор*

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ РЕДАКТОР
проф. прот. Володимир Савельєв,
голова Видавничого відділу УПЦ

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ СЕКРЕТАР
проф. В. В. Бурєга

ЧЛЕНИ ВИДАВНИЧОЇ ГРУПИ:
проф. архім. Іоасаф (Морза)
доц. прот. Василій Яковчук
проф. С. М. Бортник
доц. І. В. Хроненко
доц. О. В. Левко

Журнал зареєстровано
в Міністерстві України
у справах преси та інформації
4 червня 1996 року.
Реєстраційний номер
КВ № 2027

Передрук будь-яких
матеріалів допускається
лише з письмового дозволу
власника авторського права з обов'яз-
ковим посиланням на публікацію
в журналі «Труди Київської
Духовної Академії»

Ваші відгуки
та пропозиції просимо
надсилати за адресою:
01015, м. Київ,
вул. Лаврська, 15,
корп. 64, КДАіС.
Тел.: +38 044 255-12-06,
факс: +38 044 255-12-60
e-mail: chancellery.kda@gmail.com

Видаються з 1860 року

Зміст

9 Від редакції

ІСТОРІЯ КИЇВСЬКИХ ДУХОВНИХ ШКІЛ (ДО 200-РІЧЧЯ КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ АКАДЕМІЇ ТА 30-РІЧЧЯ ВІДРОДЖЕННЯ КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ СЕМІНАРІЇ)

- 11 *Митрополит Київський і всієї України Онуфрій*
Організаторам, учасникам і гостям XI Міжнародної
науково-практичної конференції «Духовна та світська
освіта: історія взаємин — сучасність — перспективи»
- 13 *Митрополит Антоній (Паканич)*
Внесок Київської духовної академії в розвиток
богословської науки у ХІХ — на початку ХХ ст.
- 29 *Єпископ Сильвестр (Стойчев)*
Київські духовні школи: тридцять
років відродження (1989–2019)
- 41 *Єпископ Виктор (Коцаба)*
Участие Киевской духовной семинарии
в международных контактах Украинского
Экзархата 1947–1955 гг. (по архивным документам
уполномоченного Совета по делам РПЦ по УССР)
- 52 *Бурега В. В.*
Первый курс лекций по гомилетике,
прочитанный в Киевской духовной академии
в 1821–1823 гг.: анализ студенческих записей

- 65 *Сухова Н. Ю.*
«Взаимные подозрения в неправославии составляют
важный недуг нашего времени»: история сборника
«Памятник веры» святителя Иннокентия (Борисова)
- 78 *Протоієрей Василій Яковчук*
Новопрославлені святі Київської духовної академії:
їх взаємозв'язок в академічний період служіння
- 87 *Лянной Ю. О.*
Жизненный путь и мученическая кончина
священномученика Виктора (Элланского)
- 99 *Протоієрей Андрей Ухтомский*
Выпускник КДА, «осетинский Ломоносов» —
Афанасий Абрамович (Афако Абиевич) Гассиев
- 114 *Протоієрей Сергій Причишин-Кліновський*
Київські та Подільські духовні школи
напередодні революції (1906–1917 рр.)
- 125 *Закладна Д. Ю.*
Формування іконографії святителя Сильвестра
(Малеванського), святителя Василя (Богдашевського)
та священномученика Олександра Глаголева

БІБЛЕЇСТИКА

- 135 *Архимандрит Феофан (Меджидов)*
Видение апостолом Иоанном Богословом
подобного Сыну Человеческому (Откр. 1:1–20)

ПАТРОЛОГІЯ

- 161 *Архімандрит Філарет (Волошин)*
Чернече життя згідно «Правил служителям
Божим» святителя Августина Іппонійського
- 184 *Данилов А. В.*
Антропологические воззрения святителя Василия Великого
- 195 *Хандога Н. А.*
Эсхатология святителя Викторина Петавийского:
последние три дня, или последние три тысячи лет

ІСТОРИЯ ЦЕРКВИ

- 205 *Ткачук В. А.*
Підношення ладану і воску ніжинським грецьким братством Київському митрополиту в XVIII ст.: податок чи дар?
- 212 *Веденеев Д. В.*
Одесская духовная семинария как приоритетный «объект» оперативной разработки органов государственной безопасности (кон. 1940-х — втор. пол. 1950-х гг.)
- 223 *Протоієрей Олександр Федчук*
Матеріально-технічне забезпечення Волинської духовної семінарії (1945–1964)
- 240 *Шумило С. В.*
Самозванный «епископ» Викентий Чекалин и его участие в первых хиротониях УАПЦ в марте 1990 г.
- 274 *Гиндренас А. В.*
Специфика работы преподавателей духовных школ в межвоенной Польше на примере Виленской духовной семинарии

ЦЕРКОВНЕ МИСТЕЦТВО

- 287 *Архимандрит Серафим (Панкратов)*
Время в свитке. Политемпоральная символика в христианских росписях Римских катакомб

БОГОСЛОВСЬКА ОСВІТА

- 309 *Санецка Анна*
Христианская теологическая академия в Варшаве — духовное и светское образование под одной крышей

ПРАВОСЛАВ'Я ТА ІНОСЛАВ'Я

- 319 *Балашова Е. Г.*
Упомяновения о священномученике Анатолии (Грисюке) и его дружбе с архиепископом Варфоломеем (Ремовым) в письмах католического епископа Пия Эжена Невё
- 328 *Архімандрит Маркел (Павук)*
Аскетичні погляди преподобного Іоанна Вишенського

ПРОПОВІДЬ

- 341 *Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий*
Слово перед началом учебного года
в Киевской духовной академии и семинарии
- 343 *Митрополит Антоній (Паканич)*
Людина стає в повній мірі особистістю тільки
тоді, коли знаходиться біля ніг Христа
- 347 *Єпископ Сильвестр (Стойчев)*
Мы сильны, когда мы сплочены
- 351 *Єпископ Віктор (Коцаба)*
Проповідь у день пам'яті святого
великомученика і цілителя Пантелеїмона
- 354 *Архимандрит Филарет (Волошин)*
Проповедь в день памяти преподобного Нестора
Летописца и Собора святых Киевской духовной академии

БІБЛІОГРАФІЯ

- 357 *Сухова Н. Ю.*
Рецензия на: Святитель Сильвестр (Малеванский):
жизнеописание, воспоминания, документы /
под общ. ред. еп. Сильвестра (Стойчева). К.:
Издательский отдел Украинской Православной
Церкви, 2019. 480 с., [8] л. ил. ISBN 978-966-2371-54-3
- 363 *Бортник С. М.*
Рецензия на книгу: *Ладусёр Пол.* Современное
православное богословие. «Се творю все новое»
(Ladousseur Paul. Modern Orthodox Theology.
“Behold, I make all things new”. T&T Clark,
2019, XXII+521 p.) ISBN: 978-0-5676-6481-5
- 367 Про авторів

Сухова Н. Ю.

**«Взаимные подозрения
в неправославии составляют
важный недуг нашего
времени»: история сборника
«Памятник веры» святителя
Иннокентия (Борисова)**

Данная статья посвящена богословско-просветительской деятельности одного из самых замечательных архиереев и богословов XIX в. — века, богатого и на тех, и на других, — святителя Иннокентия (Борисова Ивана Алексеевича), архиепископа Херсонского и Таврического (1800–1857). Святитель Иннокентий был лучшим студентом — первым по разрядному списку магистром — I курса Киевской духовной академии (далее: КДА). Набор этого курса ознаменовал новый этап в истории Киевской академии, 200-летие преобразования которой празднуется в 2019 г. Символической благодарностью родной академии за полученное образование стало ректорство святителя Иннокентия в КДА (1830–1839). Эти годы были одной из важнейших эпох в истории академии, а по творчеству богословской мысли и смелости ученых и учебных проектов, возможно, и самой яркой. 200-летний юбилей КДА является для нас хорошим поводом, чтобы повнимательнее присмотреться к нюансам церковной, научно-богословской, духовно-учебной, общественной деятельности великого святителя.

Два года назад состоялось важное событие: святитель Иннокентий, причисленный в 1997 г. Священным Синодом Украинской Православной Церкви к лику святителей Одесской епархии, а затем включенный в Соборы Киевских, Воронежских, Липецких, Старобельских, Херсонских святых, а также святых КДА, 30 ноября 2017 г. был утвержден Собором Русской Православной Церкви к общецерковному почитанию. Это событие также побуждает нас обратиться к изучению богословского наследия святителя Иннокентия.

Разумеется, личность и деятельность святителя Иннокентия неоднократно привлекали внимание исследователей — как его позднейших

современников¹, так и историков, педагогов, философов, богословов последних десятилетий². Однако полноценное изучение жизни, деятельности и богословского наследия святителя — одного из самых ярких представителей своей эпохи как в церковной деятельности, так и в богословии — задание не для одного поколения исследователей. Есть и реальная проблема, усугубляющая сложность этого задания: если церковная деятельность святителя Иннокентия — духовно-учебная, архиерейская, проповедническая — оценивалась и оценивается только положительно, то его богословские труды и при жизни его, и ныне вызывают неоднозначную реакцию.

Это проявлялось еще в период активного преподавания святителя Иннокентия в духовных академиях. С одной стороны, его превозносили как одного из главных представителей истинно *научного* богословия, «смелого и счастливого новатора... сумевшего порвать связи с прежним схоластическим строем духовного образования в России, не только без ущерба для истины православия, но и к его вящей славе и силе»³. С другой стороны, научные труды и лекции святителя обвиняли в неологизме и некритическом следовании иноконфессиональным методам и идеям, в обличение чего даже проводили суровое «дознание»...

Разумеется, все указанные нюансы никак не умаляют значения святителя Иннокентия в богословской науке. Однако вопросы и проблемы, связанные с богословской деятельностью святителя, задают определенное «поле напряжения», которое способствует развитию современной «иннокентианы».

В данной статье внимание сфокусировано на одном богословском проекте святителя Иннокентия — сборнике важнейших догматических текстов христианской (православной) традиции II–XVIII вв. Хотя этот проект и не получил окончательной реализации, он всё же занял осо-

¹ Добротворский В. И. Преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский, как проповедник // Духовный вестник. 1862. № 4. С. 328–355; Востоков Н. М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 193–204, 547–572; Т. 23. С. 367–398; 1879. Т. 25. С. 189–204, 367–370; Т. 26. С. 137–150; М [ацевич] Л. С. Высокопреосвященный Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический. Материалы и заметки. Одесса, 1907; Барсов Н. И. К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение (далее — ХЧ). 1883. № 11/12. С. 629–656; 1884. № 1/2. С. 188–224; № 7/8. С. 99–161; Буткевич Т. И., свящ. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887 и др.

² Зайцева А. В. Педагогические идеи в духовном наследии святителя Иннокентия Херсонского: Автореферат дис. ... к. пед. н. Белгород, 2004; Красотин Е. П. Архиепископ Иннокентий (Борисов) и становление религиозно-философской школы в Киевской духовной академии во второй трети века: Автореферат дис. ... к. филос. н. Благовещенск, 2007; Ткачук М. Л. Святитель Иннокентий (Борисов) и его роль в истории Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 2010. № 12. С. 207–225 и др.

³ Барсов Н. И. Несколько слов об архиепископе Иннокентии Борисове, по поводу новых материалов для его биографии // ХЧ. 1884. № 3/4. С. 495.

бое место в истории «духовной учености» в России и послужил ярким «маркером» важных тенденций в русском богословии. Разумеется, история с указанным сборником не является тайной: ее упоминают в жизнеописаниях святителя Иннокентия, в том числе в справочниках, изданных к 400-летию Киевской школы⁴; более пристальное внимание уделено этой истории в коллективной статье, посвященной 135-летию кончины святителя и опубликованной в 1992 г. в «Богословских трудах»⁵. Однако и в этой статье использованы далеко не все архивные документы, связанные с подготовкой сборника, а их немало, и они позволяют прояснить разные повороты и нюансы в таинственной истории нереализованного проекта. Кроме того, в последние годы проведено немало исследований по истории духовного образования и богословской науки XIX в., и более точное и глубокое понимание проблемного контекста позволяет в новом свете посмотреть и на указанный проект святителя Иннокентия.

Основную часть статьи следует предварить выделением некоторых знаковых черт эпохи и богословского становления святителя Иннокентия, важных для темы статьи. Будущий святитель Иннокентий был первым магистром I курса КДА (1823), открытой по правилам единого духовно-академического Устава 1814 г.⁶, и сразу по окончании академии был вызван в Петербург для преподавания в столичной семинарии, затем — академии. Может вызвать удивление, как Киевская академия и правящий митрополит Евгений (Болховитинов) отпустили лучшего выпускника, в то время как сама КДА крайне нуждалась в хороших преподавателях и шесть однокурсников святителя Иннокентия, низшие по месту в выпускном разрядном списке, были оставлены в академии? Биографы святителя Иннокентия подозревали «прямые указания высшего начальства», стягивающего в столицу лучшие духовно-учебные силы⁷. Не возражая этому предположению, можно сделать еще одно: востребованность выпускника КДА в столице была определенным реваншем старейшей академии, признанной за шесть лет до этого петер-

⁴ Борисов Иван Алексеевич, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: в 3 т. Т. 1. К., 2014. С. 171–185; Ткачук М. Л. Инокентій (Борисов Иван Олексійович) [рос. Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич), святитель // Київська духовна академія (1819–1924) в іменах: Енциклопедія / упоряд. та наук. ред. д. ф. н., професор М. Ткачук: в 2 т. К., 2015. Т. 1. С. 574–583.

⁵ Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857) // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. С. 69–85; о сборнике: Там же. С. 74–77.

⁶ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. 32. № 25673. С. 910–954.

⁷ Титов Ф. И., свящ. Преосвященный Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический, как ректор Киевской духовной академии (15 декабря 1800 г. — 15 декабря 1900 г.) // ТКДА. 1900. № 12. С. 494–495.

бургскими же выпускниками не готовой к реализации новой модели академии.

Но важнее иное: будущий святитель Иннокентий, пробыв в Петербурге семь лет, стал экстраординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии (далее — СПбДА) (1826) и ее инспектором (1825), архимандритом (1826), наконец, доктором богословия (1829). И уже в ореоле славы изрядного проповедника, смелого богослова и вполне успешного духовно-учебного деятеля архимандрит Иннокентий вернулся к осени 1830 г. в родную академию в статусе ректора. Этот пост он занимал девять лет (1830–1839): шесть лет — активно, лично читая лекции по многим областям богословия, затем, после возведения в статус викарного епископа в ноябре 1836 г., — уже более отстраненно. Святитель Иннокентий подходил к учебному процессу очень творчески, стараясь оперативно реагировать на новые запросы, проблемы, тенденции эпохи соответствующими идеями и проектами как учебно-организационными, так и учёными. За время своего ректорства он корректировал концепцию высшего духовного образования, смело вводил новые дисциплины, еще не известные российской духовной школе, в результате чего к концу 1830-х гг. учебный план КДА лишь в самых общих чертах соответствовал единому духовно-академическому плану 1814 г.⁸

Главной задачей святителя Иннокентия было превращение КДА в центр духовной учености, как это предполагал академический Устав 1814 г.⁹ Путь к решению этой задачи он видел в разработке и реализации фундаментальных проектов по научному изданию церковно-исторических и историко-богословских источников, в переводах святоотеческой экзегезы, древних текстов, современных западных исследований. Одним из таких проектов и стал сборник догматических текстов христианской (православной) традиции II–XVIII вв., получивший условное название «Догматический сборник Православной Восточной Церкви».

Этот труд был задуман святителем Иннокентием в период ректорства в КДА, причем можно предположительно отнести зарождение идеи к середине 1830-х гг. и усмотреть две побудительные причины. Во-первых, именно к этому времени в КДА сложился уникальный курс «екклезиастики», состоявший из символики, литургики, иерархии и канони-

⁸ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // Филаретовский альманах. М., 2010. Вып. 6. С. 54–57. Ср.: Филарет (Дроздов), архим. Обозрение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 123–151.

⁹ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ... С. 913, 938–949.

ки¹⁰. Преподавание этих дисциплин в высшей школе требовало работы с источниками, и предполагаемый сборник можно рассматривать в качестве хрестоматии к указанному учебному курсу. Конечно, в сборник предполагалось включить прежде всего *догматические* тексты, однако в дальнейшем эта сосредоточенность на догматических вопросах соблюдалась составителем далеко не всегда, причем из принципиальных соображений. Во-вторых, в марте 1834 г. началась история с обвинением архимандрита Иннокентия в «неправомыслии» и «дознание» в связи с содержанием его лекций по общему богословию, читанных в СПбДА¹¹. История в целом кончилась благополучно и не повлияла на высокий авторитет ректора КДА ни в духовно-академической среде, ни в глазах иерархии. Более того, уже через четыре года Комиссия духовных училищ запрашивала епископа Иннокентия через митрополита Филарета (Амфитеатрова), сменившего в 1837 г. на Киевской кафедре преосвященного Евгения, о том, «какие принять меры по отвращению могущих вкратиться в духовные училища новых лжеучений, несообразных с духом православной веры»¹². Тем не менее осадок, видимо, остался — это можно уловить в горькой фразе святителя Иннокентия о «взаимных подозрениях в неправославии», составляющих «опасный недуг нашего времени»¹³, с которой начинается введение к составляемому сборнику.

Следует помнить, что подозрение в «неправомыслии» святителя Иннокентия было не единичным случаем. Еще в конце 1820-х — начале 1830-х гг. «Краткий катехизис» святителя Филарета (Дроздова) был обвинен в присутствии «неопределенных выражений», «точности предлагаемых... понятий», даже прямых отступлениях «от учения нашей Церкви»¹⁴. В 1833 г. в «неправомыслии» был обвинен бакалавр СПбДА священник Федор Сидонский, в 1834–1835 гг. — протоиерей Герасим Павский¹⁵. С одной стороны, не следует клеймить эти со-

¹⁰ Ястребов М. Ф. Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов) как профессор богословия Киевской духовной академии // ТКДА. 1900. № 12. С. 536.

¹¹ Письма митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского) к митрополиту Киевскому и Галицкому Евгению (Болховитинову) и архимандриту Иннокентию (Борисову) 1834 г. (см.: Барсов Н. И. К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского // ХЧ. 1883. № 11/12. С. 647–653).

¹² Письмо митрополита Киевского Филарета к епископу Иннокентию от 23 февраля 1838 г. // ТКДА. 1884. № 4. С. 627.

¹³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2079. Догматический сборник Православной Восточной Церкви. Л. 1.

¹⁴ Барсов Н. И. Критика сочинений Филарета (Дроздова), митрополита Московского в 30-х годах // ХЧ. 1881. № 11/12. С. 791.

¹⁵ Р. С. [Ростиславов Д. И.] Петербургская духовная академия до графа Протасова. Воспоминания // Вестник Европы. 1872. Т. 7. К. 9. С. 179, 595; Барсов Н. И. Протоиерей Герасим Петрович Павский (Очерк его жизни по новым материалам) // Русская старина. 1880. Т. 27. № 4. С. 705–730; Дьяконов К. П. Духовные школы в царствование Николая I. Сергиев Посад, 1907. С. 284–285.

бытия привычными штампами, закрепившимися не только в светской, но и в церковной историографии: «гонения на свободную мысль» и пр. Русское богословие формировалось, опробовало новые методы и не всегда успешно, переходило на русский язык, отработывало понятийный аппарат, терминологическую систему. Лаборатория напряженной богословской мысли рождала вполне естественные разномыслия, имела и достижения, и ошибки. Но тем понятнее стремление святителя Иннокентия показать, с одной стороны, «непрерывность церковного учения от времен Апостольских донныне»¹⁶; с другой стороны, многообразие и богатство в средствах его выражения человеческим словом.

Конечно, проект имел более широкое значение, выходящее за пределы духовно-академических задач и проблем, и в этом отношении он был очень своевременным. Мистические искания 1820-х гг., коллизия с переводом Священного Писания на русский язык в рамках Библейского общества внесли в российское общество смущения и недоумения. Общество желало «узнать истинное учение нашей Церкви, дабы твердо держаться его». Это вопрошание святитель Иннокентий считал важным преимуществом современности, наряду с указанным выше недугом, что следовало использовать на благо Православной Церкви¹⁷.

Разумеется, стремление представить российскому обществу «истинное учение нашей Церкви» возникло не впервые — именно из этого исходили авторы всех катехизисов конца XVIII — начала XIX вв.¹⁸ Но святитель Иннокентий считал, что «составление какого-либо Катехизиса» и, тем более, «школьной или общенародной системы богословия» не решит проблему, ибо «как бы ни была совершенна подобная книга», это «произведение новое» и, как таковое, не может иметь «достаточного авторитета в той Церкви, которая называется Церковью Апостольской и Вселенскою»¹⁹. Но и конкретный богословский текст из «прошедших веков» не удовлетворит вопрошания, так как ни один текст первых веков христианства «не представляет полного изложения Веры»; а имеющие относительную полноту «произведения веков позднейших... не имеют всего нужного для Церкви авторитета». Поэтому необходим принципиально новый подход: представить публике церковное учение «во всей его древней чистоте, полноте и определительности», а для этого — выбрать из каждого века наиболее значимые изложения веры и представить их в виде единого целого. При этом святитель Иннокентий видел особую

¹⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2079. Л. 1 об.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Гавриил (Петров), еп. Краткое христианское нравоучение. СПб — М., 1769; Платон (Левшин), архиеп. Катехизис, или первоначальное наставление в христианском законе, толкованное всенародно, 1757 и 1758 г. М., 1781; Филарет (Дроздов), архиеп. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. СПб., 1823 и др.

¹⁹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2079. Л. 1.

важность в осмыслении богословских памятников в соответствующем историческом контексте, дабы «показать актами единообразие и непрерывность по всем векам учения Церкви...»²⁰. В этом проявлялся характерный для святителя Иннокентия «историзм».

Сама идея сборника очень ярко отражала и общую ситуацию 1830–1850-х гг. в русском богословии и в России в целом: возрастание интереса к Преданию, святоотеческому наследию, церковной истории, стремление выработать более четкое и полное представление о православной богословской традиции. Проект «Догматического сборника» «вышел на поверхность» в ноябре 1836 г.: будущий святитель Иннокентий был вызван в Петербург для епископской хиротонии, где поделился идеей со знакомыми профессорами СПбДА и с новым обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым. Последний смотрел на указанные выше проблемы и возможности их решения по-своему, но искал людей, понимавших важность Предания и способных реализовать это понимание. Проект святителя Иннокентия как раз отвечал всем этим запросам и не мог быть не поддержан. Программа сборника на тот момент представляла список из 46 текстов догматического содержания II–XVIII вв. Программа была отослана на отзыв митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), который в целом одобрил саму идею составления сборника, однако из предложенных 46 текстов признал необходимым напечатать 20²¹.

Обеспечение автора источниками происходило под личным контролем графа Н. А. Протасова, который проявлял большой интерес к этому труду и с характерной для него энергией стимулировал процесс. Требуемые тексты не только выявлялись во всех значимых российских библиотеках (духовных академий и семинарий, Синодальной, бывшей Патриаршей, библиотеке Академии наук), но и через священников русских посольских церквей заказывались в лучших европейских библиотеках. Некоторые из этих священников подходили к проекту творчески и предпринимали собственные разыскания новых текстов. Так, настоятель парижской посольской Церкви протоиерей Димитрий Вершинский обнаружил в Парижской Королевской библиотеке греческую рукопись «Изложения веры» Митрофана, митрополита Смирнского: «...При всей краткости своей, она имеет немаловажное достоинство уже потому... что принадлежит писателю, которого песнопения о Святой Троице Церковь доныне повторяет в воскресных службах» [Троичные каноны на полунощнице. — Н. С.]²².

²⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2079. Л. 1.

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23796. Об издании в свет Догматического сборника Православной Восточной Церкви. Л. 1.

²² Там же. Л. 91.

Работа над составлением сборника продолжалась вплоть до конца жизни святителя, причем начальный план — перевод и издание 20 текстов — разрастался. Так, в марте 1842 г. в списке, представленном святителем Иннокентием графу Протасову, более 100 «исповеданий», «символов», «правил веры» разных поместных церквей, Вселенских и поместных соборов, конкретных отцов и учителей. Каждый из бурных в богословском отношении IV–V–VI вв. был представлен 12–16 текстами, известными, мало известными и совсем не известными даже в среде образованного общества²³. Некоторые из этих текстов уже были опубликованы в российских журналах, но большинство на тот момент не были переведены на русский язык. Проект разросся уже в двухтомник: первый том — до отпадения Западной Церкви, второй — после отпадения. И если начальный план, по предположению святителя Иннокентия, мог быть осуществлен силами 1–2 переводчиков, то, понятно, что более 100 текстов разных веков требовали привлечения гораздо больших сил. При этом святитель Иннокентий считал, что достоинство древнехристианских литературных памятников следует рассматривать в контексте исторических событий, поэтому каждый памятник требовал не только перевода и комментария, но и вводной статьи — по крайней мере, к каждому веку. Поэтому исполнение проекта сперва затянулось, а потом и вообще «зависло».

Существенно осложнил ситуацию перевод святителя Иннокентия в марте 1840 г. на самостоятельную кафедру. Во-первых, будучи в Киеве, святитель мог привлекать и привлекал к переводам профессоров академии, в Вологде же и в Харькове это было уже невозможно. Во-вторых, сам святитель Иннокентий, как правящий архиерей, мог гораздо меньше времени отдавать проекту. Святитель Иннокентий предлагал графу Н. А. Протасову возложить завершение проекта на ректора Вологодской духовной семинарии архимандрита Феоноста (Лебедева) или других специалистов: например, архимандрита Новоторжского Борисоглебского монастыря Платона (Казанского), незадолго до этого «занимавшегося с особенным успехом переводом и изданием канонических постановлений Православной Церкви», или кого-либо «из лиц других епархий, о ком не встретится местных препятствий»²⁴. Однако, как оказалось, никому другому этого поручить было нельзя: несмотря на то, что проект был составительским, он все же был *авторским*, и потому требовал авторского исполнения.

Тем не менее, вплоть до 1845 г. работа над сборником шла достаточно активно, причем старательно стимулировалась обер-прокурором

²³ РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23796. Об издании в свет Догматического сборника Православной Восточной Церкви. Л. 120–124 об.

²⁴ Там же. Л. 56–58 об.

Н. А. Протасовым. Последний неоднократно просил святителя Иннокентия дать отчет о состоянии сборника, святитель радовал обер-прокурора списком переведенных и откомментированных текстов... Но, увы, до завершения было далеко. В феврале 1845 г. святитель Иннокентий сообщал Н. А. Протасову, что «сбор материала для “Догматического сборника” закончен, собрание приведено в порядок, переведено на русский язык» и даже обещал «окончание дела, если позволит здоровье, не позднее половины лета»²⁵. К этому времени сборник составлял уже два тома. Уже намечалось место для печатания сборника — одна из столиц, где в типографии найдется хорошая «греческая печать» и хороший знаток греческого и латинского языков для наблюдения за печатанием²⁶.

Вместе с тем этот год стал важной вехой в осмыслении самим святителем Иннокентием реализуемого проекта. Во-первых, святитель решил изменить название предполагаемого сборника на «Памятник веры православной», причем это изменение было принципиальным. Именование сборника «*Догматическим*», с точки зрения святителя, может восприниматься как претензия на вероучительный статус и быть «не по слуху православных»²⁷. Кроме того, расширенная программа включала не только догматические тексты, но и «Времена богослужения и молитв общественных и частных по Апостольским Постановлениям», «О среде, пятке и дне воскресном по ним же», «О главных праздниках и Святой Четыредесятнице», «Об обете девства по Апостольским Постановлениям». Для святителя Иннокентия важно было, что вероучение Церкви раскрывается не только собственно в текстах догматического характера, но и канонического, и литургического. Это вполне отвечало программе курса «екклезиастики», который должен был вводить студентов — будущих пастырей и церковных богословов — в полноту жизни Церкви. Во-вторых, святитель Иннокентий решил включить в ранее намеченный комплекс некоторые новые тексты: более 10 документов II–IX вв., а также ряд славяно-русских рукописей XVII–XVIII вв. из московской Синодальной библиотеки, без которых не могла быть достигнута главная цель предполагаемой хрестоматии — «показать хронологическую непрерывность актов единообразия и непрерывность по всем векам учения Церкви Вселенской»²⁸. При этом был еще раз заявлен принцип отбора текстов для сборника: их «вселенская важ-

²⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23796. Об издании в свет Догматического сборника Православной Восточной Церкви. Л. 49.

²⁶ Там же. Оп. 15. Д. 35563. Об издании в свет Догматического сборника Православной восточной Церкви. Л. 7–7 об.

²⁷ Там же. Л. 1–1 об.; Там же. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2082. Л. 45. Письмо архиепископа Иннокентия гр. Н. А. Протасову от сентября 1845 г.

²⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35563. Л. 1, 3–4 об., 9–10 об.

ность»²⁹. В связи с этим следует обратить особое внимание на «славяно-русские» тексты, которые святитель Иннокентий считал неотъемлемой составляющей «полноты православной веры». Но перевод дополнительных текстов требовал времени. В-третьих, святитель Иннокентий, понимая, что нюансы перевода на русский язык могут усложнить восприятие текстов, предложил предварить «издание сей книги на русском языке... изданием ее подлинников»³⁰. Таким образом, благополучное завершение проекта отложилось еще на некоторое время.

В последующие годы процесс работы над сборником продолжался, но более пассивно, так как Н. А. Протасов почти потерял надежду на благополучное завершение проекта. Обер-прокурор, осознавая свою ответственность за «вытребованные» из библиотек и архивов тексты, старался хотя бы вернуть эти тексты на место³¹. Но святителя Иннокентия к этому времени все более волновал вопрос: не вызовет ли сборник, задуманный, как учебная или просветительская хрестоматия, подозрений в претензиях на более высокий уровень, церковнозначимый? Так, в письме к Н. А. Протасову в феврале 1854 г. он предлагал «на первый раз» дать изданию характер «не официального дела Святейшего Синода... а *частного* труда, дабы... предотвратить нарекания на... Церковь... Пусть они падут на мое лицо»³².

Процесс подготовки сборника практически прекратился в 1855 г., после кончины графа Протасова и императора Николая I. Через два года скончался и святитель Иннокентий, и тогда среди его рукописей, изъятых по указанию Синода, был обнаружен «Памятник веры православной». Разбор рукописей проводил святитель Черниговский Филарет (Гумилевский), отметивший в донесении Синоду значимость обнаруженного текста: «Жаль было бы, если бы столько трудов преосвященного Иннокентия и многих других не достигли благой цели своей»³³. Святитель Филарет предлагал передать «Памятник» со всеми приложениями в КДА, «дабы она из признательности к покойному наставнику своему озаботилась приготовить к изданию «Памятник», и по внимательном пересмотре, издала его на счет своих сумм»³⁴.

Это вызвало новый всплеск интереса к «Памятнику веры православной», но рукопись была передана не Киевской академии, а самому святителю Филарету (Гумилевскому) для подготовки к печати. Святитель Филарет отредактировал сборник, исключив из него материалы

²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35563. Л. 1, 3–4 об., 9–10 об.

³⁰ Там же. Л. 1 об., 5; Там же. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2082. Л. 49 об. — 50.

³¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2082. Л. 102–170 об.; Там же. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35563. Л. 13–123.

³² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2082. Л. 49–49 об.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1175. По предложению обер-прокурора о рукописях, оставшихся после смерти преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского. Л. 45 об.

³⁴ Там же.

не догматического характера, которые «под видом неизменных догматов Божественного Откровения... предлагают читателю множество обрядовых обычаев, более или менее принятых порядков, или даже правительственных распоряжений»: «Сказание св. Прокла о происхождении Литургии», «Послание Патриарха Адриана о том, чтобы не посвящать за одною литургиею двух священников» и др.³⁵ Были исключены и те догматические документы, которые к 1860-м гг. были признаны неподлинными или подложными. Так, были исключены «Изложение веры Блаженного Афанасия, Патриарха Александрийского», которое не принадлежало святейшему Афанасию; послание св. Дионисия Александрийского к Павлу Самосатскому, «давно признанное подложным»³⁶. Наконец, были исключены и вероопределения, в подлинности коих не было сомнений, но которые «не одобрялись Церковью, или даже были признаны еретическими»³⁷.

Наконец, в мае 1862 г. «Памятник веры православной» был отправлен в петербургский Духовный цензурный комитет «для наложения разрешительной к печати надписи и приложения цензурной печати»³⁸. Для составления отзыва труд был передан конференции Петербургской духовной академии; рассмотрение рукописи было поручено профессору СПбДА И. В. Чельцову, чей суд был достаточно жесток: рукопись сборника представляет «только некое основание предположенному делу и требует капитальных исправлений»³⁹. Прежде всего, рецензент отмечал несоответствие представленного текста «мысли, положенной в ее основание», выделяя две главных претензии. Первая повторяла замечание святителя Филарета (Гумилевского): если изначально предполагался «сборник догматических вероопределений, приемлемых Православною Церковью, своего рода историко-догматический катихизис», то в процессе составитель «Памятника» «под видом неизменных догматов Божественного Откровения наряду с действительно догматическими вероопределениями предлагает читателю множество обрядовых обычаев, более или менее принятых порядков, или даже правительственных распоряжений»⁴⁰. Это замечание выводило на тему, крайне важную и для святителя Иннокентия — неизменное и изменяемое в бытии Церкви; возможная полнота церковно-исторического контекста для лучшего понимания рождавшихся догматических текстов. Вторая претензия И. В. Чельцова была еще более серьезной: он обвинял составителя сбор-

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1175. По предложению обер-прокурора о рукописях, оставшихся после смерти преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского. Л. 118, 155 об.

³⁶ Там же. Л. 155–155 об., 161.

³⁷ Там же. Л. 119 об. — 120.

³⁸ Там же. Л. 136.

³⁹ Там же. Л. 117 об.

⁴⁰ Там же. Л. 118.

ника в неразборчивости при выборе текстов, включении «вероопределений, не одобрявшихся Церковью, или даже еретических...», например, «всех вероопределений, заимствованных из так называемых Апостольских постановлений»⁴¹. Это определило отрицательный вердикт: «Памятник веры православной» лучше бы не печатать»⁴².

Сборник так и не был издан, рукописный вариант с разными дополнительными материалами стал достоянием архива... Последняя рукописная версия состоит из двух основных томов, двух томов дополнений и греческих и латинских текстов источников основных томов⁴³.

Итак, «Догматический сборник», или «Памятник веры Православной», так и не был издан: его многократные переработки, критика, обвинения в несоответствии чистоте православной веры как при жизни святителя Иннокентия, так и после его кончины, казалось бы, свидетельствуют о бесплодности самой кампании. Однако этот вывод представляется несправедливым.

Во-первых, в процессе работы над сборником были найдены «новые сокровища», которые было сочтено нужным перевести на русский язык», например, некоторые тексты святителя Григория (Паламы), «Исповедание веры» митрополита Смирнского Митрофана и др. Эти результаты ныне утратили, конечно, актуальность: за прошедшие почти два века патрология сделала много новых открытий и корректив, умаливших значимость находок первой половины XIX в. Было уточнено авторство и датировка некоторых текстов, включенных святителем Иннокентием в «Памятник веры православной».

Гораздо более значимой представляется постановка принципиальных вопросов, с одной стороны, характеризующих период «прикровенного развития» русского богословия (1830–50-е гг.); с другой стороны, выходящих за рамки того времени.

1. Вопрос *перевода* догматических текстов, ошибки и даже неточности в котором влекут за собой неправильное понимание богословских истин. История древней Церкви подтверждает это драматическим отпадением от полноты Православия целых сообществ — например, не принявших из-за нюансов перевода Халкидонский орос. В 1830-х — 1850-х гг. формировался русский богословский язык, русские переводчики древних текстов наталкивались на те же «подводные камни», с большим или меньшим успехом решая проблемы или, по крайней мере, *марки-*

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1175. По предложению обер-прокурора о рукописях, оставшихся после смерти преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского. Л. 120; Там же. Ф. 802. Оп. 8. Д. 26124. О напечатании рукописи преосв. Иннокентия, бывшего архиеп. Херсонского, под названием «Памятник веры». Л. 9 об.

⁴² РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 26124. О напечатании рукописи преосв. Иннокентия, бывшего архиеп. Херсонского, под названием «Памятник веры». Л. 12 об.

⁴³ Там же. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2077–2081.

руя опасные места. Многочисленные комментарии и варианты перевода представляют не только интересный творческий процесс, но и переводческую *методу*.

2. Вопрос *многообразия* в богословской мысли, как свидетельства *творчества* богословствующего разума в усвоении Божественного Откровения. Для святителя Иннокентия очень важно было, с одной стороны, увидеть в единстве многообразие, богатство богословской мысли, и в многообразии — единство. С другой стороны, святитель стремился отстоять право человека на богословское творчество, искания, которые иногда приводят и к ошибкам, обличаемым последующими веками, но без которых невозможно развитие богословской науки.

3. Наконец, сама попытка рассмотреть формирование догматического учения Православной Церкви во всех его *исторических* сложностях. Разумеется, это было сопряжено со всем спектром проблем: выявлением истинных и подложных текстов, определением авторства, и, хотя в этом святитель допускал ошибки, не это представляется главным. Историко-критический метод, смело положенный святителем Иннокентием в основу всего проекта, проявил свои опасные стороны — и в этом отношении святитель Иннокентий своим «первопроходчеством» оказал немалую услугу русскому богословию. И следующие этапы развития русского богословия, в частности, официально введенное Уставом духовных академий 1869 г. «историческое изложение догматов», свидетельствовали, что сборник святителя Иннокентия при всей неоднозначности, *имел* перспективу.

Про авторів

Антоній (Паканич), митрополит Бориспільський і Броварський — Керуючий справами Української Православної Церкви, заслужений професор Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я.

Балашова Олена Григорівна — співробітник історико-архівної служби Високо-Петровського монастиря (Москва), відповідальний секретар напрямку «Життя Церкви та святоотцівська спадщина» Міжнародних Різдвяних освітніх читань.

Бортник Сергій Михайлович — доктор богослов'я (Dr. Theol.), професор Київської духовної академії і семінарії.

Бурега Володимир Вікторович — кандидат богослов'я, кандидат історичних наук, проректор Київської духовної академії і семінарії з науково-богословської роботи, завідувач кафедри церковної історії, професор.

Веденєєв Дмитро Валерійович — доктор історичних наук, професор кафедри управління та гуманітарних наук Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв.

Віктор (Коцаба), єпископ Баришівський — вікарій Київської Митрополії Української Православної Церкви, голова Представництва Української Православної Церкви при європейських міжнародних організаціях, голова Адміністративного апарату Київської Митрополії, доцент Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я.

Гіндренас Андрюс Валдасович — магістр богослов'я, аспірант Мінської духовної академії.

- Данилов Андрій Владиленович** — доктор філософії, кандидат богослов'я, завідувач кафедри релігієзнавства Інституту теології Білоруського державного університету.
- Закладна Дарина Юріївна** — студентка Іконописної школи імені преподобного Порфирія Кавсокаливита при Полтавській місіонерській духовній семінарії.
- Лянной Юрій Олегович** — ректор Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка, доктор педагогічних наук, професор.
- Маркел (Павук), архімандрит** — завідувач сектора заочного навчання Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я, доцент.
- Причишин-Кліновський Сергій, протоієрей** — кандидат богослов'я, викладач кафедри теології та українського православ'я Хмельницького інституту імені Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України Володимира Міжрегіональної Академії управління персоналом.
- Санецька Анна** — доктор філософії в галузі теології (PhD.), докторант Університету Нижньої Сілезії у Вроцлаві (Польща).
- Серафим (Панкратов), архімандрит** — викладач Сумської духовної семінарії імені Блаженнішого Митрополита Володимира (Сабодана).
- Сильвестр (Стойчев), єпископ Білогородський** — вікарій Київської Митрополії Української Православної Церкви, ректор Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я, професор.
- Сухова Наталія Юріївна** — доктор церковної історії, доктор історичних наук, професор кафедри загальної та руської церковної історії та канонічного права Православного Свято-Тихонівського гуманітарного університету.
- Ткачук Віталій Анатолійович** — кандидат історичних наук, заступник директора Міського музею «Духовні скарби України» (Київ, Україна).
- Ухтомський Андрій, протоієрей** — кандидат богослов'я, викладач Київської духовної академії і семінарії.
- Федчук Олександр, протоієрей** — кандидат історичних наук, проректор з наукової роботи Волинської духовної семінарії.

Феофан (Меджидов), архімандрит — кандидат богослов'я, викладач Київської духовної академії і семінарії.

Філарет (Волошин), архімандрит — кандидат богослов'я, проректор Київської духовної академії і семінарії з навчально-методичної роботи.

Хандога Миколай Анатолійович — кандидат богослов'я, викладач Київської духовної академії і семінарії.

Шумило Сергій Вікторович — директор Міжнародного інституту афонської спадщини в Україні.

Яковчук Василій, протоієрей — кандидат богослов'я, секретар Вченої ради Київської духовної академії і семінарії, доцент.

ТРУДИ
КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ АКАДЕМІЇ
№ 31

Редактори:

монахиня Євтропія (Бобровникова)

С. І. Антонюк

Коректори:

В. В. Костюк

Оригінал-макет, дизайн

протоієрея Сергія Дерменжи

М. Б. Білецького

Київська духовна академія і семінарія
01015, м. Київ, вул. Лаврська, 15, корп. 64.
Тел.: +38 044 255-12-06, факс: +38 044 255-12-60
e-mail: pom.rektor@bk.ru

Видавничий відділ

Української Православної Церкви
01015, Київ, вул. Лаврська, 15, корп. 49
e-mail: dtp@orthodoxbook.org.ua

Підписано до друку 10.12.2019.

Формат 70×100 1/16.

Гарнітура Гарамон. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 30,0. Обл.-вид. арк. 22,7.

Тираж 1000 прим.